

ОДИССЕЙ

человек в истории

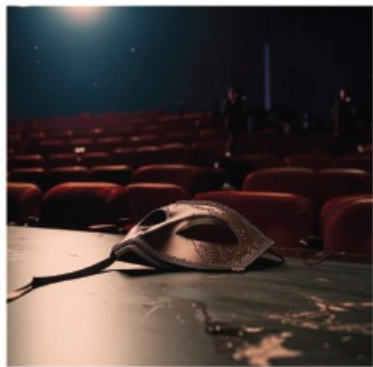
Самозванчество как
социокультурный феномен

В этом номере:

Из истории
средневекового портрета

История эмоций

История образования

2024 №1-2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Fraudsters, Impostors and
Imposture as a Sociocultural
Phenomenon*

2024

Moscow
IWH RAS
2024

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Мошенники, самозванцы
и самозванчество как
социокультурный феномен*

2024

Москва
ИВИ РАН
2024

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

*Издание основано в 1989 году
А.Я. Гуревичем*

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
Н.А. БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. ред.; отв. секретарь),
О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.), О.В. ОКУНЕВА,
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Б.Н. МОРОЗОВ
кандидат исторических наук М.А. ВЕДЕШКИН

О-42 **Одиссей. Человек в истории** / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989–.

ISSN 1607-6184

2024. №№1-2 (32-33): Мошенники, самозванцы и самозванчество как социокультурный феномен / [гл. ред. А.О. Чубарьян; отв. ред. А.Б. Герштейн]. – М.: ИВИ РАН, 2024. №№1-2 (32-33). – 433 с.

В двудесяти втором номере за 2024 год представлены тексты о мошенниках и самозванцах, встречавшихся всюду, от России до Бразилии. Авторы уделяют пристальное внимание социокультурным аспектам этого феномена при реконструкции коммуникаций и актуализируемых повседневных практик в общении самозванцев с различными социальными группами.

Изучению визуальной культуры Средневековья посвящена статья Д. Олариу, в которой посмертные портреты рассматриваются в контексте коммеморативных практик. В номере также представлены статьи по истории Скандинавистики, истории образования, социальной истории и истории эмоций. Раздел рецензий знакомит читателя с сюжетом крестоносного цикла о Рыцаре Лебеда и с новым переводом на русский язык датских хроник.

Для специалистов гуманитарных наук и широкого круга читателей.

© Коллектив авторов, 2024

© Герштейн А.Б., отв. ред. выпуска, 2024

© Институт всеобщей истории РАН, 2024

О.И. Тогоева

МНИМЫЕ БОГАЧИ И ПОДДЕЛЬНЫЕ НИЩИЕ: УЛИЧНЫЕ МОШЕННИКИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ

DOI 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-6

Аннотация: Статья посвящена проблеме самозванчества, которая рассматривается применительно к повседневной жизни маргинальных слоев общества средневековой Франции. Речь идет о профессиональных мошенниках, действовавших повсеместно и выдававших себя за «достойных людей» (*hommes honnetes*) с целью личной наживы. Главным способом подобных превращений являлось переодевание, а потому в статье анализируются немногочисленные, но яркие судебные прецеденты, свидетельствующие об использовании чужой (часто ворованной) одежды для конструирования новой личности. Автор отмечает, что, несмотря на наличие конкретных уголовных дел, связанных с переодеванием, т.е. устойчивой судебной практики, вплоть до конца XV в. во Франции не существовало общего королевского законодательства, посвященного данной проблеме, но имелись лишь частные правовые акты, действие которых распространялось лишь на население Парижа. Такая ситуация объяснялась, по мнению автора, ограниченными возможностями королевского правосудия, его прецедентным характером, а также важностью столицы не только как центра страны, но и как крупнейшего ее города.

Ключевые слова: Средние века, Франция, феномен самозванчества, профессиональные мошенники, переодевание, королевское законодательство, судебная практика.

В рамках изучения проблемы самозванчества, о какой бы исторической эпохе мы ни говорили, интерес вызывают не только обманщики, с большим или меньшим успехом выдававшие себя за лжемессий, лжепророков или правителей любого ранга, т.е. люди, претендовавшие на власть, почет и уважение окружающих и в некоторых случаях их получавшие. Ниже речь пойдет о простых обывателях, более того – о тех из них, кто происходил из самых низов общества и, кто в результате своих сознательных действий превращался в мошенников и, как следствие, в преступников. Многих из них современники могли бы назвать настоящими самозванцами, т.е. теми, кто присвоил себе чужую личность или чужой облик и успешно ими воспользовался с корыстными целями. Речь в данном случае далеко не всегда шла о смене имени, о попытке выдать себя за какого-то *конкретного* человека. Скорее, подобные мошенники стремились занять чужое, но всегда более высокое, нежели их соб-

ственное, место в социальной иерархии средневекового общества, что, по их замыслу, и обеспечивало – по крайней мере, на какое-то время – их более достойное (как в материальном, так и в чисто репутационном смысле) положение. Что же касается способов подобного превращения, то одним из самых простых и доступных из них всегда оставалось *переодевание*, о котором и хотелось бы поговорить применительно к феномену самозванчества.

Историкам хорошо известно, что одежда никогда не считалась лишь средством защиты от непогоды, хотя Мартин Ле Франк в своем *Защитнике дам* (1440–1442 гг.) всячески превозносил именно эту ее функцию, призывая читателей быть благодарными богине Афине (Минерве) за то, что она обучила людей искусству ткачества¹. Тем не менее, на протяжении всего Средневековья (как и значительно позже) одежда оставалась прежде всего знаком определенной социальной принадлежности, т.е. маркером высокого или низкого общественного статуса. Она создавала образ своего владельца в глазах окружающих и, как следствие, имела первостепенное значение для поддержания его репутации².

Лишение одежды – временное или окончательное – всегда вело к утрате положения в обществе, к унижению человека, к его превращению из субъекта отношений в их объект. Так, сдачу города на милость победителя на средневековых миниатюрах и в хрониках обычно описывали как встречу войска захватчика с группой местных жителей – обнаженных или облаченных в одни лишь нательные рубашки³. Изгнание из монашеской общины иногда изображали как лишение бывшего члена братии его ряссы⁴. И точно так

¹ “Qui est a la pluye et au vent, / Mal vestus et mal affulez, / Il la doit regretier souvent / Car tixtre aprint aux deffulez / Nus et descouvers a tous lez, / Fustanes, lings, draps, tichus / Dont couvroient leurs dos pelez / De hale et de pouldre houchus. / Et prisier la science soye / Doibvent et cardinaulx et papes, / Car elle aprint comment de soye / L’en feroit ornemens et chappes, / Doublers, serviettes et pappes / Pour parer palais et monstiers” (*Martin Le Franc*. 1999: 17257–17268).

² См., в частности: *Crane*. 2002; *Hotchkiss*. 2012; *Тогоева*. 2018: 246–301; *Рогов*. 2022: 6–19.

³ Одним из наиболее известных, с этой точки зрения, средневековых примеров является, безусловно, описание сдачи французского порта Кале войскам английского короля Эдуарда III 4 августа 1347 г.: *Moeglin*. 2002: 33–125; *Мёглен*. 2007: 120–154.

⁴ Об этом свидетельствует, в частности, миниатюра из кодекса *Кутюм Тулузы*, датирующегося 1286 г.: *Coutumes de Toulouse // Bibliothèque Nationale de France*. Ms. lat. 9187, fol. 33v. Текст кутюм при этом отсылал к Декрету

же описывалось наказание рыцаря, совершившего преступление во время военных действий: он утрачивал свой знатный статус и, соответственно, доспехи⁵.

Как следствие, тот же самый прием использовался и в средневековом уголовном суде. Человека, виновного в тяжком преступлении, могли приговорить к наказанию, которое он должен был претерпевать «в голом виде» (*nudi*)⁶. Таковым, к примеру, являлось публичное покаяние, традиционно приносимое в натальной рубашке, брэ, босиком и с непокрытой головой⁷. Аналогичным образом рас-

Грациана, в соответствии с которым клирика, оскорбившего другого представителя церкви или светского человека, следовало лишить его статуса: “Dicitur enim quod si clericus maledicus detrahat vel deprimat famam alterius clerici vel laici, si de hoc in iudicio fuerit convictus, quod debet degradari ut *XLVI di. clericus maledicus*” (Gilles. 1969: 227).

⁵ Подобная мера наказания также упоминалась в кодексе *Кутюм Тулузы*, где ей была посвящена отдельная миниатюра: Coutumes de Toulouse // Bibliothèque Nationale de France. Ms. lat. 9187, fol. 31. Данное изображение, по всей видимости, опиралось, на упоминание конкретного судебного дела, рассмотренного в Тулузе и, как следствие, зафиксированного в тексте. Человек, обвиненный в убийстве и осужденный за это, являлся солдатом, а потому, согласно глоссе к основному тексту кутюм, его следовало судить согласно военному закону (*De re militari*), как того требовало законодательство Юстиниана: “Ecce quod iste Petrus de Castro Novo fuit accusatus de vulneribus et morte per ipsum illatis Goso armerio Tholose coram consulibus dicti loci... Ut cum miles delinquens debet remitti ad magistrum militum sub quo deliquit ut habetis *ff. de custod. et exhib. reorum l. de militibus* et hoc verum est cum miles delictum leve comiserit ut in preallegato titulo *ff. de cust. et exhib. reorum l. non est dubium*” (Gilles. 1969: 201–202). Согласно сообщению Жана Жуанвила (ок. 1224/1225–1317), такому же наказанию рыцаря подвергали и за связь с армейской проституткой: “Tout premier vous dirons d’un chevalier qui fu pris au bordel, au quel l’en parti un jeu, selonc les usages du pais. Le jeu parti fut tel, ou que la ribaude le menroit par l’ost en chemise, une corde liee aus genetoires, ou *il perdroit son cheval et s’armeure*, et le chaceroit l’en de l’ost” (Joinville. 1995: 250, курсив мой – О.Т.).

⁶ Средневековые представления о наготы, тем не менее, отличались от современных – по крайней мере в том, что касалось сферы судопроизводства. Содержавшееся в приговорах уточнение «в голом виде» на деле означало, что преступник (как мужчина, так и женщина) предстанет перед собравшимися в натальной белье. Богатый иллюстративный материал по данной теме собран в: Morel. 2007.

⁷ Так, в 1408 г. епископ Каркассона Симон де Грамо обвинял местного судью Жана Дрюана в недостойном отношении к местному священнику Жану Феррье: чиновник отказался передать задержанного в церковный суд и вместо этого велел «провести и выставить [его] на показ в каждом квартале Каркассона» (*[le] fist montrer et mener de quarrefour en quarrefour par la ville de*

плачивались обыватели и за совершенный ими адюльтер – их заставляли «в голом виде» (*nudus cum nuda*) совершать пробежку по улицам города (*course*)⁸. Наконец, перед смертной казнью осужденного обычно также раздевали⁹.

Подобное насильственное лишение платья, а вместе с ним – и соответствующего социального статуса, предусмотренное средневековой судебной практикой, имело и обратную сторону. Переодевание служило для многих способом *улучшить* жизненную ситуацию, притворяясь другим человеком и обретая новую идентичность. Впрочем, такая стратегия поведения в подавляющем большинстве случаев воспринималась современниками (во всяком случае образованной частью общества) как *преступная*, как попытка получить то, чего тот или иной человек не достоин по праву рождения, но на что он претендует, дабы изменить собственную судьбу.

Именно такое понимание переодевания мы обнаруживаем во французских судебных материалах конца XIII–XV в. (более ранние данные, к сожалению, в архивах не сохранились). Так, в уголовном регистре аббатства Сен-Жермен-де-Пре под 1281 г. сообщалось об Изабо де Шуази, похитившей «плащ у клирика и дамское платье», т.е. не подобающую ее статусу одежду. Чиновники парижской тюрьмы Шатле, куда была доставлена подозреваемая, не смогли доказать факт кражи, а потому женщину не казнили, а всего лишь изгнали из столицы¹⁰. Значительно меньше в том же году повезло некой Лиуа (*Liois*), ограбившей свою хозяйку, Изабо де Шато-Гьер-

Carcassonne). Епископ требовал, чтобы и Дрюана провели через весь город, «так же, как он велел провести священника, и подвергнуть его диффамации, выставив его голым и открыв [для обозрения] его срамные места» (*comme il avoit fait mener le prestre et diffamer, les pudibondes nuz et descouvers*): Martin-Chabot. 1955: 247. О данном типе наказания см. подробнее: Morel. 2007: 96–101; Мёглен. 2007: 120–154.

⁸ См., к примеру: “Sed hodie de usu et consuetudine Tholose extraordinarie puniuntur. Nam pluries vidi *currebant villam nudus cum nuda* et erant iudicati per sentenciam ad perdendum bona” (Gilles. 1969: 256–257, курсив мой – О.Т.). “Tout homme qui sera surpris en adultere avec une femme mariee, tout homme marie ou tout autre homme quelqu’il soit, *doit etre conduit nud dans la ville*” (Les coutumes de l’Agenais. 1981: 322, курсив мой – О.Т.). “Adulteri pena est, ut adulter adulteraque a fine usque ad finem *villae nudi concurrunt*; quod si fecerint, res eorum et cogroga pacem habebunt” (Bruel. 1903: 550, курсив мой – О.Т.). Подробнее о данном наказании, применявшемся на всей территории Французского королевства, см.: Тогоева. 2018: 66–75.

⁹ Morel. 2007: 36–88; Gauvard. 2018: 55–62, 156–160; Тогоева. 2000: 353–361.

ри, и присвоившей себе массу полезных вещей – котту, подбитую кроличьим мехом куртку, пару нижних рубашек, сетку для волос и две вуали, не считая нескольких отрезков полотна, ковра, шести головок сыра и двух прялок. Признанная виновной, служанка была приговорена к смертной казни¹¹. Судьбу Лиуа в июне 1339 г. разделила Алисон Бирез из Пуасси, задержанная в «мужской рубашке и женской шапке, которые она украдала в доме Жана Лемира из Бобиньи»¹². В ноябре 1345 г. за воровство «двух штук полотна, [женского] нижнего платья и женской рубашки» был осужден и изгнан из родного города портной Жан Раме: вероятно, и в данном случае факт кражи так и не смогли доказать¹³.

Во всех перечисленных выше случаях мы можем лишь предполагать, что обвиняемые планировали использовать похищенные предметы одежды в собственных целях, поскольку в кратких записях судебных писцов не содержалось признаний арестованных. Однако к концу XIV в. принципы ведения следствия изменились, и в составленном в 1389–1392 гг. *Уголовном регистре* парижской тюрьмы Шатле уже присутствовали весьма пространные и совершенно недвусмысленные рассуждения обвиняемых о важности добротной одежды – прежде всего для многочисленных французских воров-профессионалов. Эти люди прибегали к подобной маскировке, дабы выдать себя за «достойных людей» (*hommes honnetes*)¹⁴.

¹⁰ “Cel an meimes, fu prise une fame, en la rue dou Chevez Saint-Andri, qui avoit non Isabiau de Choisi, por ce que elle avoit amblé une chape à cleric et une robe à fame, à unes estuves, et fu menée en Chatele, par Jehan Lefort, sergent du Chatelel, qui la prinist... Et fu banie, por ce forfet, qui ne pot bien estre prové” (*Tanon*. 1883: 419).

¹¹ “Cel an meimes, fu prinse une fame qui avoit nom Liois... qui avoit robée sa dame... qui avoit nom Ysabiau de Chatiau Thierr... d’une cote de vert, de peliçon de conins, de II chemises, d’un serpeliz, d’une crespine, de V dras, de II touailles, d’un tapiz, de VI fromages, d’un escheviau de file, laquele fu jugée et mise à exequcion” (*Ibid.*).

¹² “Alison Biraise de Poissi, amenée par Phelippe Dupuis, maire de Pantin, qui la trouva saizie et vestue... de une chemise à homme... et un chaperon à fame, que elle avoit emblé en la maison de Jehan Le mire, à Baubigny” (*Registre criminel de la justice de Saint-Martin-des-Champs*. 1877: 149).

¹³ “Jehan Ramé, cousturier,.. lequel avoit esté pris... sezy de deus draps linges, une robe linge et une chemise à fame que il avoit emblé en ladite ville de Pentin, en l’ostel de Adam Le riche” (*Ibid.*: 204).

¹⁴ Подробнее данный аспект на материале *Уголовного регистра Шатле* проанализирован в: *Тогоева*. 2022: 34–39.

Так, в 1389 г. главарь банды воров Жан Ле Брюн рассказывал на допросе, что перед приездом в Париж специально «оделся во все новое и солидное и в таком виде прожил [в столице] долго, ничем не занимаясь и [нигде] не работая»¹⁵. Его приятель по кличке Бородач (*Beaubarbier*) вполне разделял данное мнение. Он полагал, что лучше умереть на виселице, чем приехать в Париж «столь же дурно, как он, одетым»¹⁶. Результатом подобных разговоров стало убийство сообщниками некоего «хорошо одетого» нормандца, с трупа которого они затем сняли всю одежду¹⁷.

Уверенность Жана Ле Брюна в том, что богатое платье защитит его от любых невзгод и прежде всего – от пристального внимания судебных чиновников Парижа, подтверждается и другими уголовными делами из *Регистра Шатле*. В 1390 г. некоего Перрина Алуэ, совершившего кражу в аббатстве Нотр-Дам в Суассоне, не стали подвергать пыткам только на том основании, что, по мнению судей, он выглядел «порядочным человеком, не нуждающимся в деньгах, поскольку он хорошо и достойно одет»¹⁸.

Впрочем, переодевание могло сыграть с преступником и злую шутку. В 1391 г. был арестован Симон Лорпен, которого подозревали в краже как раз добротной одежды: двух рубашек, куртки и отреза шерстяной ткани. Сержанты королевского прево Парижа – на беду арестованного – видели его накануне «в одном рванье» (*haillon*)¹⁹. Куртка и рубаха, которые он надел на следующий день и которые пытался выдать за свою собственность, по мнению судей,

¹⁵ “... auquel lieu de Paris il vendi son dit cheval, se vesti de neuf bien et honnestement, et, en cest estat, se tint long temps sanz rien fere ou ouvrir” (Registre criminel du Châtelet de Paris. 1861: 60–61).

¹⁶ “Beaubarbier li a dit qu’il ameroit mieulx estre pendus qu’il venist à Paris ainsi mal vestus qu’il estoit” (Ibid.: 62).

¹⁷ “... et Le Normant devant dit feust si bien vestu qu’il estoit... Lequel Normant ils devestirent,

et des biens d’icellui ot à sa part un petit fermeillet d’or, qui estoit attaché à un chapeau de bievre que portoit sur sa teste ledit Normant... ledit Beaubarbier, un manteau double à usage de homme, court, de drap vermeil pardehors et de noir pardedens” (Ibid.: 62–63).

¹⁸ “... veu l’estat d’iceli prisonnier, qui est homme honneste, non indigent d’argent, parce qu’il est bien vestu et honnestement” (Registre criminel du Châtelet de Paris. 1864: 28).

¹⁹ “Jehan Le Queux et Jehan Maumonté, varlez de la geôle du Chastellet, orent tesmoigné et affermé par leurs seremens que, puis huit jours ença, ilz ont veu ledit prisonnier, qui est un très-povre varlet gaigne-pain, querant sa vie pour Dieu à Paris... et qu’il n’avoit lors sur lui vestu que une petite cotte ou haillon” (Ibid.: 276).

были ему велики, а потому они сделали единственный возможный вывод: эти вещи являлись ворованными, и использовал Симон их для того, чтобы в таком виде спокойно жить в столице²⁰.

Похожая история с дорогой одеждой упоминалась и в отчете Жана Рабустея, прокурора Дижона, за 1454 г. В документе сообщалось о действовавшей в окрестностях города банде Кокильярдов (*Coquillards*, так называемых Ракушечников, или Галантных), которые промышляли взломами, грабежом, продажей поддельных золотых слитков и украшений с фальшивыми драгоценными камнями, сбытом фальшивой монеты, а также азартными играми с использованием крапленых карт и специально подготовленных костей²¹. Прокурор отмечал, что узнать этих разбойников довольно легко: нужно лишь наведаться в местную таверну или в бордель и проверить, нет ли среди посетителей хорошо одетых людей «[с карманами], полными золота и серебра»²².

Столь же желанными богатые наряды оказывались и для средневековых проституток, многие из которых являлись весьма состоятельными особами. Еще в начале XIII в. европейские интеллектуалы продолжали обсуждать скандал, разразившийся в столице Французского королевства несколькими десятилетиями ранее, когда местные жрицы любви попытались преподнести в дар строящемуся собору Парижской Богородицы деньги на создание одного из витражей. Их подношение было отвергнуто епископом Морисом де Сюлли (1160–1197), но породило долгие дебаты относительно проституции как ремесла, приносящего законный заработок²³. Публич-

²⁰ “... ce aussi que ledit mantel n'est aucunement habile de façon sur le corps dudit prisonnier, mais semble que ce soit un habit emprunté et que icellui prisonnier n'a aucune chemise vestue, et plus vraisemblable que pour venir à Paris, afin d'estre plus seichement et nettement, qu'il eust vestu une desdites chemises” (Ibid.: 276–277).

²¹ “Et est vray, comme l'en dit, que les aulcuns desdits Coquillars sont crocheteurs d'usseries, arches et coffres; les autres sont tresgeteurs et desrobent les gens en changeant or a monnoye... les autres vont, portent et vendent faulx lingoz et faulses chainnes en façon d'or; les autres portent et vendent ou engaigent faulses piereries en lieu de dyamanz, rubiz et aultres pierres presieuses; les autres se couchent en quelque hostellerie avec aulcun marchand et se desrobent eulz meismes... les aultres jouent de faulx dez... les autres sçavent subtilitez telles au jeu de quartes et de marelles, que l'en ne pourroit guaigner contre eulx” (*Sainéan*. 1912: 87).

²² “Et retournent les aulcuns a cheval, les aultres a pied, bien vestuz et habilliez, bien garniz d'or et argent, et recommencent a mener... leurs jeux et dissolucions acoustumez” (*Sainéan*. 1912: 87).

²³ *Baldwin*. 1994: 81–82; *Тогоева*. 2018: 151–153.

ные женщины действительно могли позволить себе богатые наряды – но не имели на это права, поскольку им запрещалось выдавать себя за достойных членов общества²⁴. И все же, как верно отмечал Жак Россио, на средневековых изображениях проститутки (начиная с Марии Магдалины) отличались прежде всего дорогим облачением, роскошными головными уборами и многочисленными украшениями²⁵.

Не менее показателен случай профессиональных нищих, деятельность которых также весьма интересовала судей и не только их одних. Впрочем, в данном случае речь шла не о «богатой и достойной» одежде, но о том самом «рванье», в котором обычно щеголял упоминавшийся выше Симон Лорпен. С этой точки зрения, показательна баллада Эсташа Дешана (1346–1406/1407) *De cahymans et de coquins*, посвященная французским бродягам. Здесь рассказывалось, в частности, об обносках, в действительности скрывавших «упитанность» и «жирок» (*cresse*) своих обладателей и превращавших их в худых и несчастных. Под покровом подобных одеяний «кайманы» наносили себе раны (*mehains*), а затем выставляли их напоказ, дабы собрать больше милостыни²⁶.

Похожее дело в 1449 г. рассматривал Парижский парламент. Речь шла о неких Этьене Тьеррье и Жане Бариле, выдававших себя за клириков и занимавшихся попрошайничеством. Королевские чиновники отказались передать обвиняемых в церковный суд на том основании, что «для клириков они одеты недостойно» (*deshonestement*), а один из них вдобавок притворялся больным²⁷. «Клирики вообще не должны побираться, [поскольку] в обязанности епископа входит их кормить», говорилось в приговоре, вынесенном парламентом²⁸.

²⁴ Karras. 1990: 3–32.

²⁵ Rossiard. 2010: 221–224.

²⁶ “Car les larrons, ribaulx sont sains / Qui par sang, herbes, autre mise / Sur drapiaux, font sembler mehains / A plusieurs, et par leur emprinse / Est Dieu robé; soubz leur chemise / Vont bien nourris et plains de cresse” (*Deschamps*. 1889: 280).

²⁷ “... et requiert que la court mecte provision a l’encontre de tielz gens qui pullulent et font mauz infiniz et en y a plusieurs comme Baril qui feignent avoir maladie caducque et se laissent cheoir es assemblees par les eglises et par les chemins sans avoir aucun mal” (Archives Nationales de France. Serie X – Parlement de Paris. Serie X 2 – Parlement criminel. X 2a – Registres criminels. X 2a 25, fol. 34v–36v).

²⁸ “... laquelle chose l’eglise ne doit souffrir a clerics et est deffendu que clerics ne mandient et se n’ont de quoy vivre les evesques les doivent nourrir” (Ibid.).

Подобное поведение представителей самых низов общества, как, впрочем, и более приличных граждан, безусловно, всячески порицалось. Собственно, сама идея переодевания ради получения моральной или материальной выгоды отнюдь не приветствовалась средневековыми моралистами. Исключения из этого правила существовали, но практически ни одно из них не касалось повседневной жизни общества. Так, ранняя христианская агиография допускала возможность сознательного изменения внешности *in extremis*, т.е. когда речь шла о мученицах за веру или о набожных особах, желавших во что бы то ни стало сохранить невинность и посвятить ее Господу: мужской костюм в этом случае рассматривался как способ избежать смерти и/или бесчестия²⁹. Та же идея последовательно развивалась в трудах Амвросия Медиоланского (ок. 340–397) и Иеронима Стридонского († 419/420)³⁰.

Что же касается мужчин, то ситуации, при которых переодевание (в частности, в женское платье) являлось допустимым, также были далеки от повседневности. У Александра Гэльского (ок. 1185–1245), единственного, кто подробно рассматривал этот вопрос, речь шла исключительно о правителе, жизнь которого находится в опасности. Все остальные варианты оказывались под запретом³¹. Именно такой случай упоминался, в частности, в регистре заключенных парижского Шатле за 1488–1489 гг. За бесчинства, учиненные в одной из столичных таверн – «месте развратном и превращенном в бордель», как сообщал судебный писец, – аресту подверглась группа монахов. Все они предстали перед ночной стражей в женских платьях и головных уборах, т.е. «в одежде, которую им не дозволено носить в ущерб собственному статусу»³².

²⁹ *Delcourt*. 1958: 1–33; *Patlagean*. 1976: 597–623.

³⁰ *Bullough*. 1977: 189.

³¹ “Nonne legitur de Debbora, quae ivit ad praelium? Et praesumitur quod in armis militaribus, quae ad viros pertinent. Pari ratione, ex causa aliqua posset vir veste muliebri indui, ut si quaeretur ad mortem et per hoc occultaretur, vel si faceret officium quod mulieri competeret... Ad quod dicendum quod non pertinet ad honestatem viri veste muliebri indui: utrique enim sexui diversa indumenta natura dedit. Unde, si homo uteretur ex consuetudine veste muliebri, nisi in aliquo casu necessitatis, peccaret” (*Alexander Halensis*. 1930: 477).

³² “En une taverne... qui est lieu dissolu et ou l’en fait bordeau, lesquelz religieulx estoient vestus de robes, chappeaulx et cornettes quy est habit qu’ils ne doivent porter pour laissier l’abit de leur ordre et estoient embastonnées d’espees et de dagues” (*Gauvard, Rouse, Soman*. 1999: 584).

Единственным, по всей видимости, исключением во французской практике XIV–XV вв., когда совершенно конкретный случай переодевания получил официальное оправдание, был казус Жанны д'Арк. Именно этой проблеме был посвящен трактат *De mirabili victoria* Жана Жерсона, написанный в мае 1429 г. Прославленный теолог объяснял факт смены женского платья на мужское насущной необходимостью (участием в боевых действиях) и называл девушку «знаменосцем Господа», т.е. приписывал ей должность, которая сама по себе предполагала ношение костюма и доспехов рыцаря³³.

Возвращаясь, однако, к реальным преступникам и маргиналам средневековой Франции, следует отметить одно важное обстоятельство. Насколько можно судить, здесь не имелось *общего* законодательства, посвященного умышленной смене одежды³⁴. Единственное упоминание такого рода присутствовало в *Большом кутюме* Жака д'Аблежа, действие которого теоретически распространялось на всю территорию королевства, но в реальности касалось лишь центральной его части – Иль-де-Франса. Автор сообщал, что при рассмотрении дел об убийстве отягчающим обстоятельством является тот факт, что преступник «переделся в женщину или в монаха»³⁵.

Существовали также *локальные* постановления, не носившие обязательного для всего королевства характера и основанные на прецедентах, т.е. собственно на судебной практике. Так, в 1457 г. чиновники королевской тюрьмы Шатле, в которой располагался суд столичного прево, составили на имя Карла VII (1404–1461) жалобу на различных попрошайек, досаждавших парижанам. Среди них упоминалась и банда, члены которой являлись студентами или выдавали себя за таковых, но имели при себе мечи, что для уча-

³³ “Lex hujusmodi nec ut judicialis, nec ut moralis, damnat usum vestis virilis et militaris in Puella nostra, virili et militari... In Puella nostra... quam ex certis signis elegit Rex celestis, tanquam vexilliferam ad conterendos hostes justitie et amicos sublevandos” (Opusculum magistri Johannis de Jarsonno. 1979: 39).

³⁴ Существовало, впрочем, весьма обширное законодательство, направленное против бродяг, которых пытались выдворить из городов и привлечь к сельскохозяйственным работам. Количество ордонансов такого рода (первый из них датируется 1351 г.) свидетельствует, что подобные меры не приносили желаемого результата. Кроме того, использование переодевания ради наживы в этих указах не упоминалось: Inutiles au monde. 1980: 72–79.

³⁵ “... pour ung qui par aguet, aucunnefois en habit de femme, autresfois en habit de moyne, avoit fait son povoir de tuer ung aultre, ce qu’il feist” (*D’Ableiges*. 1868: 640).

щихся было категорически запрещено, и постоянно устраивали драки со смертельным исходом. Чиновники просили монарха подтвердить существующий запрет на ношение оружия «днем и ночью» для всех учащихся университета³⁶, и Карл VII откликнулся на эту просьбу. В его ордонансе подробно перечислялись все группы мошенников, которых можно было встретить на улицах Парижа, и среди них те, кто притворялся больными, без нужды опираясь на костыли; заворачивал детей в тряпки, вымазанные шафраном, мукой или кровью; умышленно превращал свою одежду в вонючие, сальные, рваные тряпки и т.п. В указе утверждалось, что все эти люди не имеют ничего общего с настоящими нищими, собирающимися у церквей, а потому заслуживают наказания³⁷.

В 1473 г. последовало новое постановление, посвященное той же проблеме, – теперь уже Парижского парламента. В нем акцент делался не на фальшивых попрошайках, а на тех, кто выдавал себя за людей достойных – прежде всего за судебных чиновников (*officiers*) или их сержантов (*sergens*). Эти мошенники, как утверждалось в документе, предпочитали одеваться богато, украшать себя драгоценностями и опоясываться мечами и «большими ножами», «что не соответствует никакому сословию»³⁸.

Вполне естественно, что упомянутые выше распоряжения монарха и парламента в первую очередь касались именно Парижа – самого крупного города королевства и, как следствие, главного пристанища преступников, попрошаек, проституток, нищих и прочих маргиналов³⁹. В безрезультатных попытках совладать со всеми

³⁶ “Item, et pource qu’en l’Université, souz ombre d’estude se font beaucoup de maux par mauvais garçons qu se disent estre escoliers, et sont ribleurs, et ne font que battre et ribler. Pour y pouvoir fut deffendu a tous escoliers de porter espees ny autres bastons, de jour ny de nuit” (Ordonnances royaux sur le fait et jurisdiction. 1595: 236).

³⁷ “... qui feignent estre debiles de leurs membres, portans bastons sans necessité, et contrefont maladies caducques... enfleurs d’enfans par application de drapeaux, emplastres, peintures de saffran, de farines, de sang et autres couleurs faulses, portans aussi fer en leurs mains, drappeaux en leur testes, et autres habillemens boueux, ords, sales, puants et abominables... le tout pour extorquer injustement les aumosnes qui sont deues aux vrays pauvres de Dieu” (Ibid.).

³⁸ “... qui se disent officiers, comme sergens, et autres qui sont vestus et habillez de plusieurs robes et riches habillemens, portans espées et grands cousteaux, qui ne s’appliquent à aucun estat, ou autre bonne maniere de vivre, et tuent et battent gens... en leur ostant leurs ceintures, joyaux, habillemens” (цит. по: Inutiles au monde. 1980: 86).

³⁹ Le Paris au Moyen Age. 2018: 9–10, 22–26, 217–235.

этими отбросами общества и, в том числе, с мошенниками-«самозванцами», использовавшими ради наживы переодевание, властям явно не хватало сил для контроля за остальной территорией страны, особенно в условиях практически непрекращающегося военного конфликта с Англией, а также в послевоенное время. Вероятно, единственным исключением в данном случае являлись так называемые законы против роскоши, самый первый из которых был опубликован во Франции в 1294 г., в правление Филиппа IV Красивого (1268–1314)⁴⁰. Впрочем, в большей степени эти указы касались регламентации внешнего вида более добропорядочных, нежели нищие и попрошайки, граждан. Крестьянам, купцам и ремесленникам запрещалось пользоваться в повседневной жизни вещами, не соответствующими их социальному статусу, и прежде всего – носить дорогие наряды и украшения, право на которые имелось только у представителей знати.

И все же даже такие запреты иногда оказывались нарушенными. Так произошло, в частности, в 1473 г., в период правления Людовика XI (1423–1483), пожелавшего весьма необычным способом отметить героическое поведение своих подданных в ходе франко-бургундских войн.

Двадцать седьмого июня 1472 г. войска Карла Смелого (1433–1477), герцога Бургундского, окружили город Бове, но не смогли его захватить благодаря действиям местных жителей во главе с Жанной Ленэ. В тот момент, когда один из бургундских солдат взобрался на крепостную стену и водрузил на нее штандарт герцога, именно эта девушка бросилась на врага с топором в руках, зарубила его и сорвала знамя. Ее поступок придал сил защитникам города: осада Бове продолжалась месяц, однако он так и не был взят Карлом Смелым⁴¹.

Подвиг Жанны, получившей впоследствии прозвище Секира (*Hachette*), был высоко оценен не только ее земляками, но и самим королем. Согласно его ордонансу, уже в июне 1473 г. в Бове был

⁴⁰ “Et commandons à touz, souz paine de cors et d’avoir, que nul ne porte, ne ne face porter Or, ne Argent, ne Billon hors du Royaume, et que nul ne achate Or, ne Argent, ne Billon d’ores en avant, fors ceux qui seront establi de par nous” (Ordonance portant deffenses à tous ceux qui n’ont pas six mille livres tournois de rente. 1723: 325). Подробнее о законах против роскоши см.: *Kraemer-Raine*. 1920.

⁴¹ О военном походе Карла Смелого, попытавшегося захватить всю северную Францию, см.: *Cauchies*. 1996: 147–159. Об осаде Бове см.: *Ganiage*. 1987: 76–79.

учрежден ежегодный праздник в память об осаде, и в торжественной процессии, проходившей по улицам города, первые места отводились местным женщинам и девушкам, а не мужчинам⁴². Тем же указом монарх позволял любой жительнице Бове, вне зависимости от ее социального статуса, в день свадьбы, а также «в любой другой на ее усмотрение», надевать платья и украшения, достойные представительниц знати. Подобное поведение, в любом ином французском городе грозящее нарушительнице общественным порицанием и даже штрафом, отныне считалось совершенно обычным для землячек Жанны Ленэ⁴³. Более того, буквально через месяц король повторил свое распоряжение в патентном письме от 9 августа 1473 г., адресованном жителям Бове⁴⁴. Наконец, из тех же документов мы узнаем, что сама героиня являлась совершенно реальным персонажем, поскольку в том же 1473 г. Людовик XI лично организовал замужество девушки, навечно освободив молодоженов от уплаты каких бы то ни было налогов, вводимых в королевстве⁴⁵.

⁴² “... et en perpetuel memoire de ladicte procession ainsi faictes par les femmes de ladicte ville pendant et durant ladicte hostillité, et de leur bonne constance, vertu et obeissance, avons en outre voulu et ordonné que icelles femmes aillent d’ores *en avant en la procession*, incontinent après le clergié, et precedent les homme icelluy jour” (Privilèges accordés aux Femmes et Filles de la ville de Beauvais. 1820: 582, курсив мой – *O.T.*).

⁴³ “... et en oultre, que toutes les femmes et filles qui sont à present et seront cy-après en ladicte ville, se puissent et chacune d’icelles à tousjours, le jour et sollempnité de leurs nopces, et toutes autres foiz que bon leur semblera, parer, *vestir et aourner de tels vestemens, atours, paremens, joyaulx et aornemens que bon leur semblera*, et dont elles pourront recouvrer, sans ce que, pour raison de ce, elles ne aucune d’elles en puissent estre aucunement notées, reprises ou blasmées, pour raison de quelque estat ou condition qu’elles soient ne autrement” (Ibid., курсив мой – *O.T.*).

⁴⁴ “... pour quoy nous avons bien voulu et ordonné que lesdictes femmes aient et que les souffrez doresnavant joyr des octroy et prééminences déclarées en nosdictes lectures” (Lettres de Louis XI. 1909: 165–166).

⁴⁵ “Sçavoir vous fasons que, pour la consideration de la bonne et vertueuse resistance qui fut faicte... par nostre chiere et bien amée Jeanne Laisné, fille de Mathieu Laisné, demeurant en nostre ville de Beauvais, nous avons, pour ces causes et aussi en faveur du mariage du Colin Pilon et elle, lequel par nostre moyen a esté naguere traicté, conclud et accordé,... voulons et nous plaist... que lesdits Colin Pilon et Jeanne sa femme et chacun d’eulx soient et demeurent, leur vie durant, francs, quictes et exempts de toutes les tailles qui sont et seront d’ores en avant mises sus et imposées de par nous en nostre royaume” (Privilèges accordés aux Femmes et Filles de la ville de Beauvais. 1820: 583). В настоящее время личность Жанны Ленэ не вызывает сомнений у историков: *Gervais, Lusignan*. 1999: 171–

Конечно, судьба Жанны Ленэ представляла собой исключительный случай, который потому и вошел в историю. В остальном же французские источники конца XIII–XV в. свидетельствуют о единой тенденции. По мнению судебных чиновников, юристов, а также собственно монархов, никто из подданных королевства не имел права претендовать на более высокий социальный статус, меняя свой внешний облик и пытаясь тем самым выдать себя за другого человека. Женщина не могла выглядеть как мужчина, а мужчина – как женщина. Бродяга не смел притворяться добропорядочным гражданином. Монахи не имели права попрошайничать. Все эти люди обязаны были использовать лишь легальные, принимаемые обществом и узаконенные способы повышения своего благосостояния и социального статуса. Конечно, все они это понимали – и все же регулярно поступали по-своему, а судебным чиновникам не хватало ни сил, ни возможностей противостоять подобным обманщикам. «Кривое законодательство», как называл постановления, направленные против бродяг и превращавшие их в уголовных преступников, Карл Маркс⁴⁶, просуществовало в странах Западной Европы вплоть до XIX столетия. Однако и сегодня мошенничество, в основе которого лежит сознательное изменение внешности, голоса, подделка удостоверяющих личность человека документов, остается одним из самых распространенных «каналов» для появления все новых и новых «самозванцев» всех возможных мастей.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- D'Ableiges J.* Grand coutumier de France / Ed. par E. Laboulaye et R. Dareste. P., 1868.
- Alexander Halensis.* Summa theologica / Ed. Collegium s. Bonaventurae. Quaracchi, 1930. Т. 3.
- Archives Nationales de France. Serie X – Parlement de Paris. Serie X 2 – Parlement criminel. X 2a – Registres criminels. X 2a 25, fol. 34v–36v.
- Bruel A.* Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny. P., 1903. Т. 5.
- Les coutumes de l'Agenais / Ed. par P. Ourliac, M. Gilles. P., 1981. Т. 2.
- Coutumes de Toulouse // Bibliothèque Nationale de France. Ms. lat. 9187.

205; Heers. 2003: 71, 281; Beaune. 2013: 161.

⁴⁶ Маркс. 1951: 737.

- Deschamps E.* De cahymans et de coquins // *Deschamps E. Œuvres complètes / Ed. par A.H.E. de Queux de Saint-Hilaire, G. Raynaud. P., 1889. T. 6. P. 279–281.*
- Gauvard Cl., Rouse M. et R., Soman A.* Le Châtelet de Paris au début du XVe siècle d'après les fragments d'un registre d'écrous de 1412 // *Bibliothèque de l'École des Chartes. 1999. T. 157. P. 565–606.*
- Gilles H.* Les coutumes de Toulouse (1286) et leur premier commentaire (1296). Toulouse, 1969.
- Inutiles au monde. Truands et misérables dans l'Europe moderne (1350–1600) / Présenté par B. Geremek. P., 1980.*
- Joinville J. de.* Vie de Saint Louis / Ed. par J. Monfrin. P., 1995.
- Lettres de Louis XI / Ed. par J. Vaesen et E. Charavay. P., 1909. T. 5.*
- Martin Le Franc.* Le Champion des dames / Publ. par R. Deschaux. P., 1999.
- Opusculum magistri Johannis de Jarsonno // Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc / Ed. par P. Duparc. P., 1979. T. 2.*
- Ordonnance portant deffenses à tous ceux qui n'ont pas six mille livres tournois de rente // Ordonnances des rois de France de la troisième race. P., 1723. T. 1. P. 324–325.*
- Ordonnances royaux sur le fait et juridiction de la prévosté des marchands et eschevinage de la ville de Paris. P., 1595.*
- Privilèges accordés aux Femmes et Filles de la ville de Beauvais // Ordonnances des rois de France de la troisième race. P., 1820. T. 17. P. 581–584.*
- Registre criminel de la justice de Saint-Martin-des-Champs à Paris au XIVe siècle / Ed. par L. Tanon. P., 1877.*
- Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392 / Ed. par H. Duplès-Agier. T. 1. P., 1861; T. 2. P., 1864.*
- Sainéan L.* Les sources de l'argot ancien. P., 1912. T. 1.
- Tanon L.* Histoire des justices des anciennes églises et communautés monastiques de Paris, suivie des registres inédits de Saint-Maur-des-Fossés, Sainte-Geneviève, Saint-Germain-des-Prés, et du registre de Saint-Martin-des-Champs. P., 1883.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К.* Капитал. М., 1951. Т. 1.
- Мёглен Ж.-М.* «С веревкой на шее, с розгами в руках...». Ритуал публичного покаяния в средневековой Европе // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2006 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. М., 2007. Вып. 8. С. 120–154.*
- Рогов М.А.* Иконографические мотивы «Чудес Богоматери», профессиональных нищих, Двора чудес и живопись Иеронима Босха: визуальная интертекстуальность // *Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2022. № 3. С. 6–19.*
- Тогоева О.И.* Смертная казнь в городе: Зрелище и судебный ритуал // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 2000. Т. 3. С. 353–361.*

- Тогоева О.И.* Дела плоти. Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве судебной полемики. М.; СПб., 2018.
- Тогоева О.И.* «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2022.
- Baldwin J.W.* The Language of Sex. Fives Voices from Northern France around 1200. Chicago, 1994.
- Beaune C.* Le Grand Ferré: Premier héros paysan. P., 2013.
- Bullough V.L.* Sex Education in Medieval Christianity // The Journal of Sex Research. 1977. Vol. 13. № 3. P. 185–196.
- Cauchies J.-M.* Louis XI et Charles le Hardi. Bruxelles, 1996.
- Crane S.* The Performance of Self. Ritual, Clothing, and Identity During the Hundred Years War. Philadelphia, 2002.
- Delcourt M.* Le complexe de Diane dans l'hagiographie chrétienne // Revue de l'histoire des religions. 1958. T. 153. P. 1–33.
- Ganiage J.* Histoire de Beauvais et du Beauvaisis. Toulouse, 1987.
- Gauvard Cl.* Condamner à mort au Moyen Âge. Pratiques de la peine capitale en France, XIIIe–XVe siècle. P., 2018.
- Gervais D., Lusignan S.* De Jeanne d'Arc à Madelaine de Verchères: la femme guerrière dans la société d'ancien régime // Revue d'histoire de l'Amérique française. 1999. Vol. 53 (2). P. 171–205.
- Heers J.* Louis XI. P., 2003.
- Hotchkiss V.R.* Clothes Make the Man: Female Cross Dressing in Medieval Europe. N.Y.; L., 2012.
- Karras R.M.* Holy Harlots: Prostitute Saints in Medieval legend // Journal of the History of Sexuality. 1990. Vol. 1 (1). P. 3–32.
- Kraemer-Raine P.* Le luxe et les lois somptuaires au Moyen Âge. P., 1920.
- Martin-Chabot E.* L'affaire des quatre clercs pendus et dépendus à Carcassonne (1402–1411) // Recueil des travaux offerts à Clovis Brunei. P., 1955. T. II. P. 238–252.
- Moeglin J.-M.* Les Bourgeois de Calais: essai sur un mythe historique. P., 2002.
- Morel B.* Une iconographie de la répression judiciaire. Le châtement dans l'enluminure en France du XIIIe au XVe siècle. P., 2007.
- Le Paris au Moyen Âge / Sous la dir. de B. Bove et Cl. Gauvard. P., 2018.
- Patlagean E.* L'histoire de la femme déguisée en moine et l'évolution de la sainteté féminine à Byzance // Studi medievali. 1976. Ser. 3. V. 17. Fasc. II. P. 597–623.
- Rossiaud J.* Amours vénales. La prostitution en Occident, XIIe–XVIe siècle. P., 2010.

ABSTRACTS

FRAUDSTERS, IMPOSTORS AND IMPOSTURE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

A.B. Gerstein

IMPOSTURE AS A MARKER OF THE SOCIETY'S CONDITION

Keywords: impostors, false-rulers, deceivers, society, spiritual culture, everyday practices.

The phenomenon of imposture is considered in the article in the context of the specific state of societies where it appeared. The author pays close attention to the specifics of the perception of medieval impostors by different social groups, the ways of establishing and functioning of everyday and symbolic communication between the deceiver and his sympathisers, collective representations of justice, social order and its violations in different strata of society. The author identifies various forms of imposture — claiming belonging to another ethnicity, profession, or social class, creating fake genealogies, and using the label of impostor as a tool for defaming an opponent in polemical treatises. The goals of such deception could range from delegitimising the opponent to trying to increase one's social status or save one's own life. The author concludes that imposture is a peculiar reaction to a social crisis and simultaneously a way to bring society into balance and restore the 'proper' order of things.

I.A. Mirolyubov

GENEALOGICAL CONSTRUCTIONS OF EMPEROR CONSTANTINE THE GREAT AND THEIR PERCEPTION WITHIN HIS FAMILY

Keywords. Constantine the Great, Claudius Gothicus, Julian Apostate, Roman Emperors, Later Roman Empire, Prosopography of the Later Roman Empire, Roman aristocracy.

The House of Constantine the Great is one of the most significant imperial dynasties in the history of the Roman Empire. The history of this dynasty begins with the reign of Emperor Constantius Chlorus (reigned 293–305 AD), but his son Constantine in 310 AD announced that the ancestor of the family was Emperor Claudius Gothicus (reigned 268–270). Most modern researchers consider this genealogical construction a fiction. The study of the reasons that prompted Constantine to choose this "ancestor", as well as the means by which the emperor reinforced this genealogical scheme, comes to the fore.

The article deals with the reports of official sources (panegyrics, inscriptions and coins) about the relationship of the house of Constantine with Claudius Gothicus, as well as variants of the genealogical scheme proposed by ancient authors. Their diversity is due to the vagueness of official data: Claudius was presented in them as avus of Constantine, i.e. either his grandfather or ancestor in the general sense of the word. The article also pays attention to the perception of family tree by members of the Constantine's family (his brothers, sons and nephew Julian). Sources at your disposal allow us to assert that the members of the dynasty agreed with the version of kinship voiced by Constantine, but, like him, did not comment on the very degree of that kinship. In addition, Julian even tried to present himself as a more worthy descendant of Claudius Gothicus than his uncle.

S.I. Luchitskaya

«DO YOU CALL HIM A PROPHET? DO YOU CONSIDER HIM A MESSENGER OF GOD?». PETER THE VENERABLE ON THE CRITERIA FOR DISTINGUISHING A TRUE PROPHET FROM AN IMPOSTOR

Keywords: prophet of Islam, the 'Cluny' collection, Peter the Venerable.

The article examines a phenomenon typical of medieval spiritual and social life—the phenomenon of false prophets or self-proclaimed prophets. The focal point is the treatise of the Cluniac abbot Peter Venerable, where he clearly outlines the criteria for distinguishing a true prophet from a false one and endeavors to demonstrate that the founder of Islam, Muhammad, was a false prophet. The author of the article illustrates that the concepts of a prophet in Islam and Christianity are

significantly different and emphasizes that it is precisely a misunderstanding of these differences that led the church writer to his views on Islam.

L.B. Sukina

TSAR GOD CHOSEN AND NOT SELF-APPOINTED IN RUSSIA
1666
(THEME OF THE BLESSING OF THE KIND OF RIGHTEOUS
GOVERNERS IN THE “SPIRITUAL SWORD” OF LAZAR
BARANOVICH)

Keywords: Russian tsarist autocracy, House of Romanov, idea of a righteous sovereign, early printed book, theological and political concept.

The author explores the question of how the theme of God’s chosen king’s power was interpreted in the book “Spiritual Sword” of Lazar Baranovich in 1666. The idea of the choice of God of the supreme ruler and the protection of God of righteous sovereigns spread in the culture of the Christian world back in the Middle Ages. In Russia in the 1660s it was updated by a specific set of circumstances: church reform, expansion of the territory of the state through the annexation of new lands by military means, the absolutization of the power of Tsar Alexei Mikhailovich and the expectation of the End of the World. At the same time, the second sovereign of the House of Romanov was interested in additional arguments legitimizing his autocracy, as evidenced by the documents of the Secret Prikaz, concerning rumors about his “illegal” origin, and some details of the conflict between the Tsar and Patriarch Nikon. The article shows how Lazar Baranovich, with the help of scholastic theological and literary techniques, which includes, among other things, abundant quoting, creates a harmonious and convincing concept of the righteous family of the Russian sovereign, a dynasty that found itself at the pinnacle of power by the will of God. According to her, the sovereign Alexei Mikhailovich is not an impostor and an accidental minion of fate, but a God-chosen king, similar to the biblical David, Emperor Constantine the Great and other famous rulers of antiquity. By the right of the chosen of God one, the Russian Tsar wields both swords of power – secular and ecclesiastical.

E.D. Braun

AN IMPOSTOR OR A PRINCE AFTER ALL? PERKIN WARBECK IN BRITISH HISTORICAL MEMORY

Keywords: Perkin Warbeck, Impostors, Henry VII, Richard III, Princes in the Tower, British historiography.

In the XVI–XXI centuries, ideas about Perkin Warbeck made a full circle – from the perplexity of contemporaries, through the unconditional rejection of Tudor century, the first attempts to justify Warbeck of the XVII–XVIII centuries, sentimental novels and poems of the XIX century, scrupulous studies of the turn of the XX–XXI centuries, historians returned to the beginning. As well as contemporaries, they distrust the official, Tudor version of events and admit that the real prince, the rightful heir of the Yorks, was sent to the gallows.

The image of Warbeck turned out to be so contradictory because the choice between an "impostor" and a "prince" did not always depend on objective, scientific calculations. Often the decision was determined by an assessment of the Tudor rule and of the preceding period of the Wars of the Roses (especially the personality and reign of Richard III). There were also non-scientific factors. To find an extra-political explanation for Warbeck's success, even under the Tudors he was turned into an immensely charming handsome man, a victim of intrigues. Artists, poets and novelists were happy to exploit and develop this emotional component; as the historical distance lengthened, the image of Warbeck became more and more touching and sentimental.

O.I. Togoeva

IMAGINARY RICH AND FAKE BEGGARS: STREET SCAMMERS IN MEDIEVAL FRANCE

Keywords: The Middle Ages, France, the phenomenon of imposture, professional scammers, cross-dressing, royal legislation, judicial practice.

The article is devoted to the problem of imposture, which is considered in relation to the daily life of marginal strata of society in medieval France. The question is about professional scammers who

acted everywhere and posed as «decent people» for the purpose of personal gain. The main way of such transformations was the cross-dressing, and therefore the article analyzes a few, but vivid judicial cases that testify the use of someone else's (often stolen) clothes to build a new personality. The author notes that, despite the existence of specific criminal cases related to cross-dressing, i.e. stable judicial practice, there was no general royal legislation devoted to this problem in France till the end of the 15th century. Instead of it there were only private legal acts, the effect of which extended only to the population of Paris. This situation was explained, according to the author, by the limited possibilities of the royal justice, its precedent character, as well as the importance of the capital not only as the center of the country, but also as its largest city.

K.S. Khudin

SELF-PROCLAMATED PHYSICIANS & CHARLATANIC
PHYSICIANS: RECOGNITION OF THE PROFESSIONAL
COMMUNITY IN XVII CENTURY RUSSIA

Keywords: social history of medicine, Alltagsgeschichte, Early Modern history, Seventeenth century, Russia, Apothecary Chancery.

The article is devoted to the conflicts between the corporation of doctors of the Apothecary Chancery (Aptekarsky Prikaz) and representatives of other medical practices: private physicians, faith-healer, as well as the perception of such practices in the bureaucratic environment. The author considers bureaucratic mechanisms arising in the course of such conflicts, when the corporation defines a physician as an self-proclamated and, not considering him a part of its group, refuses to recognise his professional competences. At the same time, private practice itself is not a barrier to entry into the professional community, and being labelled an impostor, hence a charlatan, becomes a way of resolving intra- and inter-group conflicts. Such conflicts are different in each of the three examples with representatives of different social groups, but they equally illustrate the fact that a person who commits unconventional actions becomes an impostor in the eyes of the community.

O.V. Okuneva

SELF-APPOINTED FRENCHMEN AND “FRENCHMEN’S BROTHERS” IN 16TH CENTURY BRAZIL

Keywords: impostor, Brazil, 16th Century, allies, barter trade, captivity, Hans Staden, Giuseppe Adorno, Anthony Knivet.

The paper deals with the strategy that some Europeans chose in the 16th century Brazil while finding themselves in a hostile environment. Being captured by Indians and destined to death and following anthropophagy, a German soldier Hans Staden, a Genovese captain Giuseppe Adorno and an English adventurer Anthony Knivet decided to appoint themselves as Frenchmen (their captors regarded Frenchmen as friends and trade partners). The Indians’ reaction to the declarations of such “impostors” (including some “tests for identity”) reveals the way the Brazilian Indians considered one European nation as friend and ally rather than another.

A special attention is paid to the cross-verified elements in Staden’s, Adorno’s and Knivet’s stories. This cross-validation is mostly important for Staden’s testimony (most detailed of all): the German author describes his first unsuccessful attempts to save his life by assuming another identity as an act of faith and a miraculous escape, so it is essential to distinguish the facts from the metaphors.

The paper discusses the degree in which Staden, Adorno and Knivet can be considered as impostors. They did not seek to gain something beyond what they had, just to save their lives. So they are more “self-appointed” Frenchmen (in the sense of self-denomination) rather than persistent usurpers of someone else’s identity.

MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY

A.D. Scheglov

DIARIUM VADSTENENSE AND VADSTENA ABBEY

Keywords: History of Sweden, Middle Ages, Catholic Church, monasteries, monastic orders, annals.

Diarium Vadstenense, the chronicle of Vadstena Abbey (the principal cloister of the Birgittine order) is one of the most interesting narrative sources of medieval Scandinavia. The present article focuses

on the types of entries, their aims and their data. I pay attention to individual cases, to data concerning the health and the diseases of the Birgittines, as well as their age and death. I demonstrate that life expectancy of the Birgittines was high enough. Special attention in my article is paid to the question of the character of Vadstena Abbey. Can we regard Vadstena Abbey as a mixed community of men and women, a so-called double cloister? Or should we treat it as two separate monasteries behind one fence? I demonstrate that Vadstena Abbey must be regarded as a single mixed congregation. The brethren and the sisters lived in proximity. Both communities were subject to Mother Superior. The economy was common. Both parts of the monastery interacted constantly. The usual definitions – brethren (*fratres*) and sisters (*sorores*) were of the same type. Both communities are frequently called the same name – a convent, and often the expression “both convents” is used. The level of integration of the two parts of Vadstena Abbey was high; the monastery mentioned must be regarded as a single institution.

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.G. Avdeev

ANDREY SEMYONOVICH BEDOV: THE SERVICE CLASS MAN OF KASHIN, THE MOSCOW NOBLEMAN, THE GOVERNOR, THE MONK, THE BUILDER OF THE WALLS OF THE KALYAZIN MONASTERY

Keywords: history of Russia in the 17th century, Kashinsky district, Kashinsky nobility Bedovy, Troitskiy Makariev Kalyazin monastery, testament, contributions to monasteries, monastery building.

The paper analyzes the life's journey of the Kashin service class man Andrei Semenyovich Bedov. During the Time of Troubles, he consistently served False Dmitry II, after the latter's death he swore allegiance to Prince Vladislav, then, together with Prince Dmitry Timofeevich Trubetskoy, he joipapned the militia of Procopius Lyapunov. At the beginning of the reign of Mikhail Fedorovich, Andrei Bedov was engaged in the restoration of the Kashin estates and, with the help of a fictitious deal with the Archbishop of Tver Arseny Elassonsky, transferred one of the estate villages to a patrimony. In the 30s of the 17th century Andrei Bedov, having received the rank of Moscow

nobleman, served as a governor in Tver, participated in the Smolensk War, and later held administrative positions in Moscow. Andrei Bedov was closely associated with the Makaryev Kalyazin Monastery of St. Trinity, making generous contributions to it, and in 1641 he took monastic vows there with the name Abraham. As a cellarer at the monastery, he supervised the building of the walls around the monastery in 1644-1647 and made a large contribution to their construction. Andrei (Abraham) Bedov died on February 9, 1650, having distributed property, estates and patrimonies among close relatives, people from his circle, as well as monasteries and churches of Kashinsky district.

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

I.M. Souponitskaya

EVOLUTION OF DISILLUSIONMENT:

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 WITH THE EYES OF TWO ÉMIGRÉS

Keywords: revolution, anarchism, the Bolsheviks, dictatorship, disillusionment.

The memoirs of two Russian émigrés, anarchist Emma Goldman and socialist Angelica Balabanoff, recently published in Russia, provide a perspective on the formation of Bolshevik power after the October coup that differs from the Soviet version of events, revealing little-known aspects of the 1917 revolution. Goldman, deported from the United States, highlighted the role of anarchists in revolutionary Russia, portraying them not as a chaotic force but as a socialist movement advocating an alternative to the dictatorship of the proletariat—namely, the development of self-government as called for by Mikhail Bakunin and Peter Kropotkin. Like other opponents of the Bolsheviks, the anarchists were ultimately suppressed.

Balabanoff, a member of the Italian Socialist Party and the RCP(b), and secretary of the Executive Committee of the Comintern, discussed the methods of party building, particularly the Bolsheviks' influence on the split within the international socialist movement.

Having arrived in Russia after the 1917 revolution to support the birth of a workers' and peasants' republic, both women were soon forced to leave, disillusioned by the policies of the Soviet state.

HISTORY OF THE EMOTIONS

K.A. Levinson

“I DO HAVE SOMEBODY TO HATE”: ANGER, RAGE AND HOW
(NOT) TO EXPRESS THEM IN THE MOSCOW STATE
UNIVERSITY MILIEU OF THE LATE 1930S AND EARLY 1940S.

Keywords: university history, history of emotions, history faculty, Moscow State University, history of Soviet academia.

The article draws on memoirs, questionnaires, letters and diaries of students of the Faculty of History at Lomonosov Moscow State University in the second half of the 1930s and the first half of the 1940s to examine the practices of expressing anger, rage and similar emotions in this milieu. Representations of such feelings are rare in the ego-documents examined, but still allow us to draw a tentative conclusion about the existence of norms that provided in hierarchical relations for greater freedom to express these feelings ‘top down’ or ‘horizontally’ than ‘bottom-up’. When an expression of anger or rage was felt by the authors to be undesirable, they resorted to three ways of legitimizing it: providing a justification, placing oneself in a morally stronger and more empowered position, or redirecting one’s anger to a legitimate object.

HISTORY OF THE EDUCATION

K.V. Sutorius

THE DISCIPLINE OF LOGIC BY SOPHRONY LIKHUJ AND THE
NEW SOURCES ON ITS HISTORY

Keywords: Sophronios Lychudes, teaching of Logic, Moscow Slavo-Greek-Latin academy, handwritten sources, scholastic.

The paper is devoted to a manuscript, which contains a course of Logic, taught in Moscow Slavo-Greek-Latin academy by Sophronios Lychudes at the beginning of the 1690s. The manuscript is housed in the Yaroslavl museum and is still little known to scholars. The paper describes the composition (parts) of the manuscript. It is stated that Logic in Greek, which is presented here, is an unknown copy of Sophronios' course so far. The manuscript is written by more than one hand, and relations of these to other handwritten witnesses related to Moscow academy are considered. The text of Logic from the Yaroslavl manuscript is compared to the text found in records known before in order to determine its place among other witnesses of this course. Both notes in the Yaroslavl manuscript and documents, which have become known recently, allow to reconsider the common dating of Sophronios' Logic. Features of codex put the question about how the instruction of Logic by Sophronios was established, and how his students worked on their notes, on the basis of which we discuss the course. Witnesses of bilingual (Latin/Greek) teaching of Logic are considered in connection with this question. It is argued that the Latin text of Sophronios' Dialectic, known in one codex, was not a translation from Greek.

REVIEWS

S.I. Luchitskaya

THE STORY OF THE SWAN KNIGHT IN THE EPIC OF THE CRUSADE CYCLE: EPIC POEM, FAIRY TALE, OR COURTLY ROMANCE?

Keywords: epic poems, Old French Crusade cycle, the legend of the Knight of the Swan

Review on *Les Enfants-Cygnés suivi de La Chanson du Chevalier au Cygne* (d'après le ms. Paris, BnF fr.1558). Edition bilingue. Texte établi, traduction, présentation par Claude Lachet. Paris: Honoré Champion, 2023. 795 p.

A.D. Scheglov

THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF DANISH CHRONICLES

Keywords: review, history of Denmark, Danish annals and chronicles.

Review on **Datskie chroniki XII veka. Perevod s lat., dat., shved. i krit. apparat A.S. Dosaeva, I.B. Gubanova, O.A. Markelovoi, O.V. Kutareva i A.B. Rukavishnikova-Radonezhskogo** [Danish Chronicles of the 12th century. Translation from Latin, Danish and Swedish and the critical apparatus by A.S. Dosaev, I.B. Gubanov, O.A. Markelova, O.V. Kutarev and A.B. Rukavishnikov-Radonezhsky]. Moscow: Russkaya Panorama, 2022. 344 p.; **Datskie annaly XII–XIV vekov. Perevod s latinskogo, datskogo i kriticheskij apparat A.S. Dosaeva, I.B. Gubanova, O.A. Markelovoi i O.V. Kutareva** [Danish Annals from the 12th to the 14th century. Translation from Latin, Danish and Swedish and the critical apparatus by A.S. Dosaev, I.B. Gubanov, O.A. Markelova and O.V. Kutarev]. Saint Petersburg: DMITRY BULANIN, 2024. 368 p.

The review examines the Russian translations of Danish narrative monuments from the 12th to the 14th century – *Chronicon Roskildense*, *Chronicon Lethrense*, *Annales Lundenses* and other texts which serve as valuable sources on the history of medieval Denmark.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Герштейн Анна Борисовна – к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории репрезентации власти и символической коммуникации в Средние века, феномену монархического самозванчества в средневековой Европе.

Миролюбов Иван Андреевич – к.и.н., доцент кафедры истории РГАУ–МСХА имени К.А. Тимирязева, специалист в области идеологии императорской власти в Древнем Риме, истории Поздней Римской империи, истории дома Константина Великого.

Лучицкая Светлана Игоревна – д.и.н., в.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории крестовых походов, истории рыцарства, христианских представлений об иноверцах, средневековой иконографии.

Сукина Людмила Борисовна – д.и.н., канд. культурологии, доцент; зав. кафедрой подготовки кадров высшей квалификации, профессор Института программных систем РАН, специалист в области российской культуры раннего Нового времени.

Браун Елена Давыдовна – к.и.н., доцент РАНХиГС, специалист по политической истории Англии позднего Средневековья и раннего Нового времени, средневековой английской историографии.

Тогоева Ольга Игоревна – д.и.н., г.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист в области средневекового права и правосознания, средневековой символики, политической и религиозной истории Западной Европы.

Худин Кирилл Станиславович – к.и.н., м.н.с. Отдела специальных исторических дисциплин ИВИ РАН, ведущий сотрудник РГАДА. Специалист по российской истории XVII в.

Окунева Ольга Владимировна – к.и.н., доктор университета Париж-Сорбонна, с.н.с. Отдела новой и новейшей истории ИВИ РАН, специалист по истории европейской экспансии в Новый Свет XVI–XVII вв., раннеколониальной истории Бразилии, формированию образа Другого во Франции раннего Нового времени.

Щеглов Андрей Джолинародович – д.и.н., в.н.с. Отдела Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, специалист по истории Швеции в Средневековье.

Олариу Доминик – профессор, в разное время преподавал в университетах Дижона, Марбурга и Дюссельдорфа, специалист по истории искусства Средних веков и раннего Нового времени. Автор книг и статей по истории средневекового портрета и научного знания.

Бисаха Нэнси – профессор Вассарского колледжа (США), автор книг и статей о гуманизме и крестовых походах.

Авдеев Александр Григорьевич – д.и.н., профессор Историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, н.с. Университета Дмитрия Пожарского, специалист по отечественной эпиграфике Московской Руси и ранней Российской империи.

Супоницкая Ирина Марковна – д.и.н., в.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории США XX в., советско-американским отношениям.

Левинсон Кирилл Алексеевич – кандидат исторических наук, доктор философии. Сфера научных интересов – социальная история науки и образования в Новое и Новейшее время.

Суториус Константин Владимирович – к.и.н., доцент Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, специалист по истории отечественного образования, педагогики Нового времени.

Ведюшкин Владимир Александрович – к.и.н., в.н.с. Отдела Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, специалист по истории Испании XV–XVII.

СОДЕРЖАНИЕ

МОШЕННИКИ, САМОЗВАНЦЫ И САМОЗВАНЧЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

<i>А.Б. Герштейн</i> САМОЗВАНЧЕСТВО КАК МАРКЕР СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА	5
<i>И.А. Миролубов</i> ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО И ИХ ВОСПРИЯТИЕ ЧЛЕНАМИ ЕГО СЕМЬИ	17
<i>С.И. Лучицкая</i> «ПРОЗЫВАЕТЕ ЕГО ПРОРОКОМ, СЧИТАЕТЕ ЕГО ПОСЛАНЦЕМ БОГА?» ПЕТР ДОСТОПОЧТЕННЫЙ О КРИТЕРИЯХ ОТЛИЧИЯ ИСТИННОГО ПРОРОКА ОТ САМОЗВАНЦА	37
<i>Л.Б. Сукина</i> ЦАРЬ БОГОИЗБРАННЫЙ, А НЕ САМОЗВАННЫЙ В РОССИИ 1666 ГОДА (ТЕМА БЛАГОСЛОВЕНИЯ РОДА ПРАВЕДНЫХ ГОСУДАРЕЙ В «МЕЧЕ ДУХОВНОМ» ЛАЗАРЯ БАРАНОВИЧА)	53
<i>Е.Д. Браун</i> САМОЗВАНЕЦ ИЛИ ВСЁ-ТАКИ ПРИНЦ? ПЕРКИН УОРБЕК В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ АНГЛИЧАН	70
<i>О.И. Тогоева</i> МНИМЫЕ БОГАЧИ И ПОДДЕЛЬНЫЕ НИЩЕ: УЛИЧНЫЕ МОШЕННИКИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ	95
<i>К.А. Худин</i> ВРАЧИ-САМОЗВАНЦЫ И ВРАЧИ-ШАРЛАТАНЫ: ПРИЗНАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В РОССИИ XVII ВЕКА	111

- О.В. Окунева*
САМОНАЗВАННЫЕ ФРАНЦУЗЫ И «БРАТЯ ФРАНЦУЗОВ»
В БРАЗИЛИИ XVI ВЕКА 129

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ

- А.Д. Щеглов*
ВАДСТЕНСКИЙ ДИАРИЙ И ВАДСТЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ 159

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОРТРЕТА

- Д. Олариу*
ТЕЛО И ПОРТРЕТ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
ВЫСТАВЛЕНИЕ ТЕЛ УСОПШИХ, ПОСМЕРТНЫЕ
МАСКИ И МИМЕТИЧЕСКОЕ НАДГРОБНОЕ
ИЗОБРАЖЕНИЕ (*пер. С.И. Лучицкой*) 195

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

- Н. Бисаха*
ПАПА ПИЙ II И КРЕСТОВЫЙ ПОХОД
(*пер. С.И. Лучицкой*) 228

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

- А.Г. Авдеев*
АНДРЕЙ СЕМЁНОВИЧ БЕДОВ: КАШИНСКИЙ
СЛУЖИЛЫЙ ЧЕЛОВЕК, МОСКОВСКИЙ ДВОРЯНИН,
ВОЕВОДА, МОНАХ, СТРОИТЕЛЬ СТЕН
КАЛЯЗИНА МОНАСТЫРЯ 252

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

- И.М. Супоницкая*
ЭВОЛЮЦИЯ РАЗОЧАРОВАНИЯ: РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917 Г. ГЛАЗАМИ ДВУХ ЭМИГРАНТОК 285

ИСТОРИЯ ЭМОЦИЙ*К.А. Левинсон*

«А НЕНАВИДЕТЬ У МЕНЯ ЕСТЬ КОГО»:
ЗЛОСТЬ, ГНЕВ И ИХ (НЕ)ВЫРАЖЕНИЕ В МОСКОВСКОЙ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ 30–40-Х ГОДОВ XX ВЕКА 334

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ*К.В. Суториус*

КУРС ЛОГИКИ СОФРОНИЯ ЛИХУДА И НОВЫЕ
ДОКУМЕНТЫ ПО ЕГО ИСТОРИИ 354

РЕЦЕНЗИИ*С.И. Лучицкая*

ЛЕГЕНДА О РЫЦАРЕ ЛЕБЕДЯ
(рец.: *Les Enfants-Cygnes suivi de La Chanson du
Chevalier au Cygne* (d'après le ms. Paris, BnF fr.1558).
Edition bilingue. Texte établi, traduction, présentation
par Claude Lachet. Paris: Honoré Champion, 2023. 795 p.) 386

А.Д. Щеглов

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ДАТСКИХ ХРОНИК
(рец.: Датские хроники XII века / Перевод с лат., дат.,
швед. и крит. аппарат А.С. Досаева, И.Б. Губанова,
О.А. Маркеловой, О.В. Кутарева и
А.Б. Рукавишников-Радонежского.
М.: «Русская панорама», 2022. 344 с.;
Датские анналы XII–XIV веков / перевод с латинского,
датского и критический аппарат А.С. Досаева,
И.Б. Губанова, О.А. Маркеловой и О.В. Кутарева.
СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2024. 368 с.) 396

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Д.Э. Харитоновичу — 80 лет 401

IN MEMORIAM

А.Ф. Кофман (17.08.1954 – 16.05.2024)	404
ABSTRACTS	413
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	424
СОДЕРЖАНИЕ	426
CONTENTS	430

CONTENTS

FRAUDSTERS, IMPOSTORS AND IMPOSTURE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

<i>A.B. Gerstein</i> IMPOSTURE AS A MARKER OF THE SOCIETY'S CONDITION	5
<i>I.A. Mirolyubov</i> GENEALOGICAL CONSTRUCTIONS OF EMPEROR CONSTANTINE THE GREAT AND THEIR PERCEPTION WITHIN HIS FAMILY	17
<i>S.I. Luchitskaya</i> «DO YOU CALL HIM A PROPHET? DO YOU CONSIDER HIM A MESSENGER OF GOD?» PETER THE VENERABLE ON THE CRITERIA FOR DISTINGUISHING A TRUE PROPHET FROM AN IMPOSTOR	37
<i>L.B. Sukina</i> TSAR GOD CHOSEN AND NOT SELF-APPOINTED IN RUSSIA 1666 (THEME OF THE BLESSING OF THE KIND OF RIGHTEOUS GOVERNERS IN THE “SPIRITUAL SWORD” OF LAZAR BARANOVICH)	53
<i>H.D. Braun</i> AN IMPOSTOR OR A PRINCE AFTER ALL? PERKIN WARBECK IN BRITISH HISTORICAL MEMORY	70
<i>O.I. Togoeva</i> IMAGINARY RICH AND FAKE BEGGARS: STREET SCAMMERS IN MEDIEVAL FRANCE	95
<i>K.S. Khudin</i> SELF-PROCLAMATED PHYSICIANS & CHARLATANIC PHYSICIANS: RECOGNITION OF THE PROFESSIONAL COMMUNITY IN XVII CENTURY RUSSIA	111

- O.V. Okuneva*
SELF-APPOINTED FRENCHMEN AND “FRENCHMEN’S
BROTHERS” IN 16TH CENTURY BRAZIL 129

MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY

- A.D. Scheglov*
DIARIUM VADSTENENSE AND VADSTENA ABBEY 159

ON HISTORY OF MEDIEVAL PORTRAIT

- D. Olariu*
BODY AND PORTRAIT IN THE LATE MIDDLE AGES.
DEMONSTRATION OF THE BODIES OF DEAD, DEATH
MASKS AND MIMETIC FUNERAL IMAGE 195

THE OTHER HISTORY OF THE CRUSADES

- N. Bisaha*
POPE PIUS II AND THE CRUSADE 228

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

- A.G. Avdeev*
ANDREY SEMYONOVICH BEDOV: THE SERVICE CLASS
MAN OF KASHIN, THE MOSCOW NOBLEMAN,
THE GOVERNOR, THE MONK, THE BUILDER OF THE
WALLS OF THE KALYAZIN MONASTERY 252

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

- I.M. Souponitskaya*
EVOLUTION OF DISILLUSIONMENT: THE RUSSIAN
REVOLUTION OF 1917 WITH THE EYES OF
TWO ÉMIGRÉS 285

HISTORY OF THE EMOTIONS*K.A. Levinson*

- I DO HAVE SOMEBODY TO HATE”: ANGER, RAGE AND
HOW (NOT) TO EXPRESS THEM IN THE MOSCOW
STATE UNIVERSITY MILIEU OF THE LATE 1930S AND
EARLY 1940S. 334

HISTORY OF THE EDUCATION*K.V. Sutorius*

- THE DISCIPLINE OF LOGIC BY SOPHRONY LIKHUD AND
THE NEW SOURCES ON ITS HISTORY 354

REVIEWS*S.I. Luchitskaya*

- THE STORY OF THE SWAN KNIGHT 386

A.D. Scheglov

- THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF DANISH CHRONICLES 396

ANNIVERSARIES

- THE 80th ANNIVERSARY OF DMITRIY EDUARDOVICH
KHARITONOVICH 401

IN MEMORIAM

- A.F. KOFMAN (17.08.1954 – 16.05.2024) 404

- ABSTRACTS 413

- LIST OF OUR AUTHORS 426

- CONTENTS 430

Одиссей. Человек в истории

МОШЕННИКИ, САМОЗВАНЦЫ И
САМОЗВАНЧЕСТВО
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
2024 №№1-2 (32-33)

Главный редактор
А.О. Чубарьян

Ответственный редактор
А.Б. Герштейн

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Научное издание

Подписано к печати 21.10.2024 г.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс Нью Роман
Объём – 27 усл.-печ. л. Тираж — 500 экз. (Первый завод —
100 экз.)
Зак. №

Ленинский проспект, 32а